
Анна
ЛАЗУТКИНА
ПОБЕГ В ВЫХИНО
ФЕРМЕР и Блондинка

Анна Лазуткина

Побег в Выхино. Фермер и блондинка

«Автор»
2026

Лазуткина А.

Побег в Выхино. Фермер и блондинка / А. Лазуткина — «Автор», 2026

Я приехала в эту глушь с одним чемоданом и четким планом: продать дом и начать новую жизнь в Москве.Но деревня приготовила мне 3 сюрприза:1. Вредного соседа с цепким взглядом.2. Пачку таинственных писем в комоде3. и...Кота***– У меня просьба, – говорит он.– Какая?– Не проси больше моего деда о помощи. Он человек пожилой, а я слишком занятой, чтобы за него печь топить у кого ни попадя.У меня открывается рот от возмущения.– У кого ни попадя?! Да он сам предложил мне! И вообще, тебя никто не просил помогать мне, понял! Я бы самаОн распахивает калитку и оборачивается.– Сама? – на его лице появляется едкая ухмылка, – сама бы ты спалила и баню, и дом, и нас заодно. Мой тебе совет: не распаковывай свой чемодан, и езжай в Москву. У нас таким, как ты, тут не место.– Хам!

© Лазуткина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 7
3 9
4 11
5 14
6 16
7 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Анна Лазуткина
Побег в Выхино. Фермер и блондинка

1

Это только на одно лето, в сотый раз повторяю мысленную мантру. Только на лето. Всего лишь три месяца, и меня будет ждать Москва!

Лето…

Мантра не помогает. С тоской смотрю в окно старого автобуса, который везет меня в глушь. За окном мелькают поля и деревья, муха жужжит у стекла, тщетно ища выход. Бедняга, придется ей, как и мне, ехать до конечной.

До Выхино.

Это такая деревня, расположена всего-то в двухстах километрах от нашего города. И в этой деревне мне придется жить до сентября. Зато я сэкономлю на аренде квартиры, побольше накоплю и рвану в столицу.

Больше никогда-никогда не вернусь в родной город. Все равно меня там никто не ждет.

И Егор точно в Выхино меня не найдет. *Не найдет*. Он никак не узнает, что я поехала сюда.

Автобус резко тормозит, что я ударяюсь лбом о спинку переднего сиденья.

– Выхино! – кричит водитель.

Кряхтя, я вылезаю с автобуса, тащу свой ярко-розовый чемодан в сторону от дороги. Автобус, обдав меня дорожной пылью, быстро уезжает. А я остаюсь одна, разглядываю окрестности.

Синяя с белый фоном табличка «Выхино», старая, со времен царя Гороха, остановка. Рядом деревянный магазин с заколоченными окнами и вывеской «Сельпо».

М-да уж…

Открываю сумку, ищу смартфон, чтобы проверить адрес.

Рядом гудит какая-то машина.

– Ты откудась такая взялась? – слышу я веселый дребезжащий голос.

Поднимаю глаза. Передо мной стоит Жигули, а из-за руля с хитрым прищуром поглядывает дед. У него седые усы, рубашка с закатанными по локоть рукавами и кепка с флагом России.

– Это вы мне?

– Кому же еще, не козе же, – весело говорит дедок. Рядом где-то проблеяла коза.

Тоже мне юморист.

– Из города, – отвечаю.

– Ясно, что не из соседнего села. Ты к кому приехала?

– Ни к кому. Жить я тут буду, дом тринадцать по улице Сиреневой.

Дед вдруг перестал улыбаться и посмотрел на меня долгим, загадочным взглядом.

– Значит, соседями будем. Садись, довезу.

– Да нет, спасибо, я сама как-нибудь, – неуверенно хватаюсь за ручку чемодана.

– Сама? Да ты полчаса до туда переть будешь. Садись давай.

Нехотя подчиняюсь.

Несколько минут едем молча, я во все глаза смотрю по сторонам. Здесь солнечно и на удивление тихо. Тишина такая, что ушам становится непривычно. Вдоль дороги гуляют коровы с безмятежным видом.

На велосипеде проехал, отчаянно звеня звоночком какой-то мальчуган лет восьми. За ним пробежала девчонка, хохоча и размахивая веткой.

Водитель кидает на меня хитрый взгляд.

– Так это, значится, ты новая хозяйка? – произносит он и снова глядит вперед.

– А?

– Ты, говорю, теперь хозяйка дома? – повторяет старик. Есть в его голосе что-то…что подозрительное.

– Да, я. – Отвечаю, – по наследству достался, от двоюродной бабки.

– Вот оно че, – со вздохом произносит мужчина, – так ты, значит, внучка Лидкина. Хорошая баба была, с огоньком. Ну, как говорится, земля ей пухом.

Он тяжело вздыхает, а мне почему-то становится стыдно. Бабу Лиду я видела в детстве пару раз. А в этой деревне вообще никогда не была. Вся эта сельская романтика…Не для меня.

Я наоборот, в столицу всегда тянулась.

Мы молчим. Старик поглядывает на меня искоса. Будто понимает, о чем я думаю.

– А мы все думали, кому ж дом достанется, у ней же ни детей, ни внуков не было. Бобылкой Лидка была…Тебя как звать-то?

– Алина, – отвечаю, – а вас?

– А я Семен Петрович. Вот мы и приехали. Гляди-ка, вон твой дом. А там, через дорогу, я живу. Соседями будем!

2

Машина останавливается на пыльной дороге. Вылезаю, вытаскиваю свой чемодан. Взгляд падает на деревянный некрашеный забор. Слева у калитки – лавочка и береза.

За забором большой дом с резными ставнями. Ставни когда-то были белыми, но краска давно облупилась. Окна заколочены досками, все вокруг поросло травой.

Семен Петрович стоит рядом со мной и с какой-то тоской в глазах смотрит на дом.

– Дом в деревне, – говорит он, – что собака. Без доброго хозяина быстро дичает. И этот вон, одичал. Плохо ему без Лидки. Вишь, как все крапивой поросло. Тебе помощь-то нужна?

– Пока не знаю, – отвечаю я.

– Ладно, Алинка-картинка, – задорно говорит старик, – если надо чего, ты проси, не стесняйся, мы народ простой. Вон вишь дом с красной крышей? Там я живу. Надо чего, приходи, поможем чем можем. Мы люди радушные. Ну бывай.

Я с вежливой улыбкой прощаюсь с Семеном Петровичем и толкаю калитку. Она со стонущим скрипом отворяется. Трава тут такая высокая, что доходит мне почти до макушки.

Глаза с трудом выглядывают деревянную дорожку, ведущую к крыльцу. А дом-то большой. Риелтор сказал мне, что место тут перспективное, и покупатель уже нашелся.

Предлагает хорошие деньги. Только приехать и заключить сделку сможет только в сентябре. К его приезду надо подготовить дом, привести все в приличный вид.

А потом – потом продам дом и уеду в Москву. Денег с продажи хватит на то, чтобы там обустроиться.

Кто бы мог подумать, что баба Лида оставит дом именно мне. Хотя, кому ж еще. Я – ближайшая родственница. Родители мои умерли.

Осторожно пробираясь через заросли крапивы, иду к дому. На двери висит огромный навесной замок. Шарю в сумке, наконец, нахожу ключи и распахиваю дверь.

В нос ударяет запах пыли и какого-то скисшего молока. На веранде сумрачно, тонкие занавески стали серыми от пыли. Половицы скрипят под шагами.

Открываю вторую дверь, вхожу в дом и ахаю.

В память вдруг врываются воспоминания из полузабытого детства, когда я ездила в деревню к бабушке. Не сюда, к другой. Вспоминаю, как просыпалась в солнечной спальне от запаха оладушек, как весело скрипела форточка, как мурлыкала рыжая кошка.

И печка тоже похожа на ту, другую. Но эта серая, в ажуре из паутины. Сто лет как нетопленная. Коврики, свернутые в рулоны, стоят в углу. Вся обстановка словно из прошлого века.

И мебель, и утварь, и радиоприемник на подоконнике. Кто вообще сейчас слушает радио?

Ставлю чемодан и устало опускаюсь на лавку в коридоре. Щелкаю по выключателю. Ничего не происходит. Света нет.

Умыться бы с дороги. Смело захожу в кухню и застываю. Стоп. А где тут ванная, раковина? С ужасом обвожу взглядом просторную кухню. Вижу только серый рукомойник в углу.

До меня наконец-то доходит.

Тут же нет водопровода!

Нет ванной! Нет прекрасного, освежающего душа, который я так люблю принимать. Тут не будет ванны с пенкой.

А-а-а!

И туалета ведь тоже нет! Есть, конечно…Тот, что на улице.

Может, ну его к черту? Вернусь в город, сниму квартиру и протяну до сентября…

Вот только в нашем городке меня тут же найдет бывший, Егор. После того, как я ушла от него, у него совсем крышу сорвало…Стал преследовать, угрожать, даже ударил.

Да и денег у меня нет. На съем жилья не хватит. И это все тоже благодаря Егору…Он обокрал меня, еще и кредитки на меня оформил, псих.

Так что придется жить здесь, приводит дом в порядок, продавать…

Я огляделась, подняла голову. И потолок белить надо. Дел много.

С интернетом тоже надо решать – работу никто не отменял. Как хорошо, что теперь переводчики с французского могут работать удаленно. Вообще, в нашем городке я работала секретарем в администрации – полученная в вузе профессия оказалась не нужна.

И время от времени брала подработку переводчиком – чтобы навыки не потерять. После увольнения это стало моим основным заработком. Правда, пока заказов было неприлично мало.

Встряхиваю головой. Все решаемо!

Но сначала надо разобраться с электричеством.

3

Я откинула волосы и решительно направилась к соседнему дому. Мои белые шорты покрылись пылью, и это раздражало.

Сжав зубы, я трижды стукнула в массивную дубовую калитку у дома напротив.

Она распахнулась так резко, что я невольно отступила на шаг. В проеме стоял мужчина, заставивший меня инстинктивно выпрямиться.

Высокий брюнет, волосы взъерошены, серые глаза смотрят недоверчиво. Клетчатая рубашка, закатанная по мускулистым предплечьям, подчеркивала его мощную фигуру.

– Вам что-то нужно? – его голос звучит как обжигающе-холодный душ.

Я сглатываю комок в горле:

– Извините, я ваша новая соседка. У меня дома света нет... Семен Петрович дома?

Его серые глаза с золотистыми искрами медленно скользнули по моей фигуре, задержавшись на босоножках с каблуком. Губы чуть дрогнули – явно не от восхищения.

– Дед сейчас занят. Могу помочь. – он идет к крыльцу и берет одной рукой ящик с инструментами, мышцы напряглись под рубашкой. – Михаил.

– Алина.

Он двинулся к моему дому, и я невольно отметила, как легко он несет тяжелый ящик. Его спина в этой рубашке казалась невероятно широкой.

– Так это вы теперь тут жить будете? – бросает он через плечо, открывая электрощиток.

–Только до сентября, – отвечаю, наблюдая, как его пальцы ловко орудуют с проводами, – Потом продам дом и рвану в Москву.

Не могу сдержать восторг в голосе от одной мысли об этом.

Его руки замерли на секунду. Когда он поднял взгляд, в глазах читалось откровенное презрение:

– В Москву? – в голосе появляется легкая ирония. – Мечтаете о столичной жизни?

– Там больше возможностей, – пожимаю я плечами. – Работа, театры, кафе...

– И пробки, смог, соседи за стенкой, которые даже не знают, как тебя зовут, вечно серое небо.

– Лучше серое небо, чем вечно пахнущий навозом воздух, – отвечаю я.

– Зато наш навоз органический, – неожиданно парирует он. – В ваших супермаркетах за такой цены бы не было.

Я фыркаю и скрещиваю руки на груди.

– В деревне не хватает элементарных удобств. Ванной, например. Или вы считаете, что мыться в тазике – это круто?

Он резко поворачивается, внезапно оказавшись слишком близко. Чувствую легкий запах древесины и чего-то пряного.

–Там во дворе колодец. Вода в нем есть, – произносит он, намеренно медленно обводя взглядом мой маникюр. – Если, конечно, ваши холеные ручки справятся с ведром.

– Не беспокойтесь, – делаю шаг вперед, сокращая дистанцию до опасной. – Мои "холеные ручки" могут и не такое.

Наши взгляды скрестились. В его глазах мелькнуло что-то, заставившее мое сердце учащенно забиться. Он первым отвел взгляд.

– Готово, – щелкает выключателем. Свет зажегся, осветив его резкие черты лица, – но это временное решение. Настоящий электрик должен...

– ...все переделать, да я поняла, – перебиваю я. – Вы случайно не электрик?

Он вытирает руки тряпкой, и я невольно слежу за движением его пальцев.

– Фермер, – на его лице играет полуулыбка. – В деревне приходится уметь все. Даже терпеть избалованных городских.

– А в городе приходится терпеть высокомерных деревенщин, – парируя я, его глаза вспыхивают в ответ.

Мы стоим слишком близко. Он внезапно наклоняется, и у меня перехватывает дыхание:

– Кстати, если ночью услышите странные звуки... – его горячее дыхание обжигает кожу, – ...звуки из подвала… Не пугайтесь. Это всего лишь призраки.

– Что?! – я широко открываю глаза.

– Шучу, – он уже в дверях. Солнечный свет рисует золотые блики в его темных волосах. – Призраки предпочитают чердак.

С этими словами он уходит, оставив меня в окружении летающих пылинок и странного чувства, что это лето будет... незабываемым.

4

Еще несколько минут прислушиваюсь к его удаляющимся шагам. Мысль, что придется мыться в тазу *все лето*, все три месяца, сводит с ума. Осушаю до дна воду из пластиковой бутылки и с раздражением швыряю ее на стол.

Три месяца.

Всего лишь три месяца. Надо потерпеть чуть-чуть. Раньше вон вообще люди всю жизнь так жили.

Так, а где у меня ведро? Хоть чайник поставить, да лицо умыть. Посновав по кухне, нахожу пыльное алюминиевое ведро и с тяжелым вздохом выхожу на улицу.

На крыльце спотыкаюсь и падаю прямо в заросли травы. Ведро выпадает из рук.

– Да твою ж жомапель!* – восклицаю я и медленно встаю. Коленки потерты, прямо как в детстве когда-то, белые шорты в земле и следах травы.

Да, обувь надо сменить. В этом захолустье, где еще не знают про асфальт и технологии, я в своих босоножках далеко не уйду.

По крайней мере никто не видел моего позорного падения.

Смахнув волосы с лица, шагаю к колодцу в углу участка.

– Что, Алинка-картинка, решила воды натаскать? – слышу насмешливый голос Семена Петровича.

Он стоит, уперевшись о калитку, кепку сдвинул на самый затылок.

– Угу, – бурчу я, – выбора-то нет. Буду мыться в тазу.

Скорбно всхлипываю.

– Эх ты, тундра! Выбору у нее нет! У тебя банька есть! Токмо натопить надо.

– Баня? – я распахиваю глаза, – у меня есть баня?

– Охо-хо! Да у тебя целое хозяйство есть! Банька, сарай, погребок тоже имеется. Только вот… – он многозначительно почесывает подбородок, – без мужика тут не разобраться. Хошь, я Мишу своего позову? Он тебе быренько поможет.

Мои щеки начинают пылать.

– Спасибо, – с холодным достоинством произношу я, – я сама прекрасно справлюсь.

Семен Петрович усмехается и смахивает с руки жужжащую муху.

– Сама, значится? И дровишки сама наколешь? – говорит он, – а где, кстати, дрова у тебя?

Он с улыбкой обводит взглядом мой поросший сорняками двор. Я тоже начинаю искать глаза что-то, похожее на дрова. Не нахожу.

Перевожу взгляд на старика и вздыхаю.

– У меня нет дров, да?

– Может, несколько поленышек и найдется, токмо их рубить надо. Потом баньку затапливать. Ты печь-то топить умеешь?

Я умею в экселе формулы прописывать, а не вот это все.

– Нет, – хмуро отвечаю и медленно подхожу к колодцу.

– Так я тебя научу! – радостно сообщает он, – вечерком загляну и помогу тебе. И дровишек подкину, и баньку затоплю. Ну бывай, Алинка-картинка.

Он уходит и оставляет меня наедине с колодцем. С трудом отодвигаю крышку и вздыхаю. Колодец – словно из прошлого века, глубокий, темный, веющий прохладой.

Осторожно креплю ведро к крюку и опускаю его вниз.

Солнце печет, вокруг с жужжанием летают оводы, бабочки нагло садятся на мои плечи, ветер шелестит траву. Где-то неподалеку промычала корова, в ответ пролаяла собака. Непривычная тишина.

Нет шума машин, и запах…Запах здесь совсем другой – сладкий, ароматный – он что-то подымает в душе, волнует.

Достаю ведро из колодца. На меня находит какой-то порыв, и я тут же, сбегав за кружкой, черпаю холодную воду и пью ее жадными глотками.

Боже, какая вкуснота!

Колодезная вода стекает по моему подбородку, шее. Ведро с водой заношу в дом и переливаю в рукомойник. Умываю лицо, руки. И будто становится легче.

Появляются силы.

Первым делом распаковываю свой чемодан, ноутбук в чехле бережно кладу на стол. Переодеваюсь в домашнюю одежду и принимаюсь за работу. На веранде я нашла старый таз, веник, деревянную швабру. Тряпку пришлось сделать из старой простыни, которая пылилась в шкафу.

Убиралась я до самого вечера. Вымела целую армию мертвых мух, смела веником метры паутины, протерла пыль, а полы мыла раз пять. Устала безумно.

Зато результат радовал. В доме стало чуть уютнее, ушел этот запах затхлости. Я пошла выливать грязную воду на улицу, когда вновь увидела Михаила.

Он стоял у калитки и глядел на меня с неприкрытой насмешкой.

– Чего вам? – вырвалось у меня. Слишком резко.

– Мне – ничего, – отвечает он, пожимая плечами, – это вообще-то тебе помощь нужна была. С дровами, баней.

– А мы уже на ты перешли? – произношу я и опрокидываю ведро, выливая грязную воду.

Михаил несколько секунд наблюдает за моими действиями.

– Так мы же селяне – народ неотесанный, со всеми на ты говорим, – ехидно отвечает он и сует руки в карманы.

Невольно засматриваюсь на его мускулистые руки, покрытые темным загаром. Как мужчина с такой внешностью мог оказаться в такой дыре? Я всегда думала, что в деревнях живут или старики, или алкаши.

Михаил усмехается, будто читает мои мысли, невозмутимо открывает калитку и заходит во двор.

– Мне Семен Петрович обещал помочь, – произношу я.

– Семен Петрович – мой дед, – говорит Михаил, – у него хондроз, ему такие работы запрещены, хоть он и плюет на эти запреты. Поэтому вместо него я. Показывай, где тут баня?

– А я…я не знаю.

Он хмыкнул, покачал головой и отстранил меня в сторону. Сам же уверенно, со знанием дела пошел вглубь участка, в ту часть, где вовсю буйствовала крапива. Завернул налево и скрылся за раскидистой яблоней.

– Сюда! – слышу его крик и неуверенно иду к нему.

Баня оказалась маленькой, бревенчатой, с крохотным оконцем под крышей. Узкий предбанник, в самой бане – две полки, алюминиевый таз, пара мыльниц, да старая мочалка, брошенная в углу.

Ну и паутина, конечно же. Тут ее тоже было много.

Михаил с видом знатока осмотрел печь и взглянул на меня.

– Дров у тебя нет, – произносит он, – мне дед сказал. Я свои принес. На растопку хватит. Я начну топить, а ты воды пока натаскай. Видишь чан? Сюда переливай. Печь будет топиться, а вода в чане нагреваться. А вон в ту бочку холодную надо налить. Если ты, конечно, не привыкла в кипятке мыться.

Он стоит слишком близко, а мне отчего-то становится неловко, что я с малознакомым мужчиной нахожусь в бане. Пусть и в одежде…

В голову начинают лезть безумные мысли...

Представляю, какой он без одежды. В этой полутемной, жаркой бане…

Уф!

Стряхиваю головой и молча выхожу на улицу, не удостаивая его ответом.

Через несколько минут принимаемся за работу. Я ношу воду и заливаю ее в чан, Михаил растапливает печь.

Очень скоро он освободился и стал с наглым видом наблюдать за мной. Через пару мгновений резко подошел ко мне и вырвал из руки пустое ведро. Как раз в тот момент, когда я наклонялась к колодцу.

Наши руки соприкоснулись. Какая у него горячая кожа. С таким, наверное, в мороз хорошо. Прижалась – и тепло. Главное, футболку эту с него стянуть, чтобы теплее было…

Твою ж жомапель, Алина! Что за мысли! Это просто деревенский грубиян. Но горячий. Во всех смыслах.

– Ты так до ночи таскать воду будешь, – грубовато говорит он, – лучше я.

Выверенными движениями он наполняет воду в ведро и скрывается в бане. Мне ничего не остается, как наблюдать за ним. Что оказывается вполне приятным занятием.

Когда еще появится возможность полюбоваться, как сильный мускулистый мужчина бегает по твоему двору туда-сюда.

Солнце медленно склонилось к горизонту, небо окрасилось в розовый и появилась первая звездочка, пришла долгожданная прохлада.

Невольно залюбовавшись закатом, я села на деревянное крыльцо, подперев подбородок рукой.

Михаил вырос прямо передо мной.

– Все, готово, – произносит он и смахивает со лба каплю пота.

– Спасибо, – произношу я и резко встаю, почти упираясь в его грудь. Он отступает на шаг, – пить хотите?.. Хочешь?

– Нет, – он открывает рот, намереваясь что-то сказать, но передумывает. Резко разворачивается и идет к калитке, – у меня просьба.

– Какая?

– Не проси больше моего деда о помощи. Он человек пожилой, а я слишком занятой, чтобы за него печь топить у кого ни попадя.

У меня открывается рот от возмущения, и все очарование вечера рассеивается.

– У кого ни попадя?! Да он сам предложил мне! И вообще, тебя никто не просил помогать мне, понял! Мог бы просто сказать, что Семен Петрович не придет! Я бы сама…

Он распахивает калитку и оборачивается.

– Сама? – на его лице появляется едкая ухмылка, – сама бы ты спалила и баню, и дом, и нас заодно. Мой тебе совет: не распаковывай свой чемодан, и езжай в Москву. У нас таким, как ты, тут не место.

– Хам!

Он пожимает плечами.

– Спокойной ночи, – произносит Михаил, – и да, про призраков я не обманул! Сладких снов.

Он уходит, оставляя меня с клокочущим от гнева сердцем.

** Жо ма пель (фр. je m'appelle) – меня зовут…*

5

Вовсю поют сверчки, когда я выхожу из бани, завернувшись в халат. Влажные волосы закутаны в тюрбан из полотенца.

Вечерний воздух, наполненный ароматом скошенной травы и цветущей липы, ласково касается разгоряченной кожи.

Осторожно ступаю по узкой дорожке, стараясь не задеть заросли крапивы. После жаркой бани тело наполняют истома и расслабленность.

Подхожу к крыльцу и замираю.

На деревянных ступеньках неожиданный сюрприз. Бело-оранжевый бидончик и кастрюлька, укутанная вафельным полотенцем. В бидоне под крышкой – парное молоко, в кастрюле нахожу вареный картофель, щедро посыпанный укропчиком и котлетки.

Аромат разносится такой, что живот протяжно урчит.

Рядом, прижатая камнем, записка:

"*Молочко домашнее, после баньки само то. Не помирай с голоду. Дед Семен*".

Смеюсь, и мой голос странно звенит в вечерней тишине. Видимо, Семен Петрович умудрился оставить угощение, пока я мылась.

– Хоть один нормальный мужик в деревне, – громко говорю я и со всем этим добром захожу в дом.

На деревню быстро опускается ночь. Щелкаю выключателем, ставлю кастрюльку и бидон на стол. Какой же Семен Петрович молодец! Будто знал, что ужинать сегодня я собиралась Дошираком и бутербродом с сыром.

А картошечка все же лучше. Просто умираю с голоду.

Беру вилку и жадно откусываю, запиваю молоком. Мычу от удовольствия. Начинаю есть прямо из кастрюли.

Вдруг над головой раздается громкий стук. Прямо на чердаке. Замираю с картошкой во рту.

Тишина.

– Померещилось... – бормочу я, но тут же слышу новый звук – скрип половиц, будто кто-то переступил с ноги на ногу.

Сердце начинает колотиться так, что кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Вспоминаются слова Михаила: "Призраки предпочитают чердак..."

Тук-тук-тук.

– К-кто там? – голос звучит неестественно высоко.

Ответом – оглушительный БАМ – будто уронили тяжелую книгу.

Вскакиваю, открываю шкафчик, хватаю первую попавшуюся сковородку (чугунную, вековой выдержки) и щелкаю выключателем в коридоре.

Лестница на чердак скрипит под моими босыми ногами. Деревянная дверца с железной щеколдой выглядит как вход в другое измерение. Делаю глубокий вдох, и рывком открываю.

Тьма. Запах пыли, сухой травы и... кошачьего туалета?

– Эй... – голос срывается на визг. – Я вооружена!

Из темноты слышится шуршание. Включаю фонарик на телефоне.

Прямо перед лицом – две горящих желтых точки.

– Твою ж ма... – замахиваюсь сковородкой.

– Мрррау! – раздается обиженное мяуканье, я вижу громадного серого кота. Шерсть взъерошена, один ус надломлен, взгляд как у ветерана дворовых войн.

Опускаю оружие, прислоняюсь к стене и начинаю хохотать.

– Вот же сволочь... – вытираю глаза, имея в виду, конечно, Михаила.

Кот недовольно фыркает и величественно удаляется вглубь чердака, хвост трубой.

И откуда он взялся такой? Может, у бабы Лиды раньше жил?

– Киса, ты молочко будешь?

В ответ неопределенное мурчанье.

Спускаюсь на кухню, нахожу старое блюдце, наливаю в него молока и несу на чердак. Ставлю у дверцы.

– Приятного аппетита, кот! – громко говорю я и возвращаюсь к своему ужину. Прикончив картошку и котлету, ставлю чайник на плиту.

Наливаю в свою любимую кружку чай, беру кусочек горького шоколада и иду на крыльцо. Сажусь, вытягиваю босые ноги, едва касаясь травы. Уже стемнело. Тихо.

Тишину нарушает вибрация в кармане халата. Телефон. Незнакомый номер. Читаю сообщение, и настроение катится в пропасть.

«*Алина, киса, надо поговорить. Хватит прятаться, я все равно тебя найду. Егор.*»

Ледяная волна прокатывается по спине. Пальцы сжимают телефон так, что становится больно. Как он нашел мой новый номер? Как узнал? Я ведь купила новую симку специально...

Взгляд скользит по хлипкому забору вокруг дома, по темным очертаниям деревьев. Вокруг никого. Егор далеко, очень далеко отсюда. Он меня не найдет.

Глубокий вдох. Выдох. Печатаю сообщение в ответ:

"Разговор уже был. Следующий будет с полицией."

Перечитываю то, что написала и спешно стираю, ничего не отправляя.

Выключаю телефон. Допиваю остатки чая и ставлю кружку рядом.

Где-то рядом промяукал кот. Ночь теплая, звездная. А страх... Страх куда-то ушел. По крайней мере, до утра.

6

Я просыпаюсь от теплого груза на груди. Открываю один глаз – серая морда кота уткнулась мне прямо в лицо. Его мощные лапы растянулись по моему животу, словно он владелец, а я – всего лишь удобная лежанка.

– Ну и наглец, – шепчу я и осторожно глажу его за ухом. Кот мурлычет, не открывая глаз.

Солнечные лучи пробиваются сквозь занавески, освещая пылинки, которые кружат в воздухе.

Аккуратно сдвигаю кота, он недовольно мяукает, но перекатывается на освободившееся место. На кухне ставлю чайник, пока кот наблюдает за мной с дивана, презрительно прищурив желтые глаза.

Завариваю овсяную кашу из пакетика, делаю бутерброд с сыром, наливаю крепкий чай.

Кот внезапно оказывается рядом, настойчиво тычется мордой в мою руку.

– Тоже хочешь? Понравилось молочко, да?

Наливаю ему в блюдце молоко и ставлю на пол. Кот с протяжным «мяу» подходит и начинает лакать, неспешно, с чувством собственного достоинства.

– Надо же, какой аристократ, – с улыбкой говорю я и сажусь завтракать.

После завтрака решаю наконец перебраться из зала в спальню. Там я еще порядок не навела.

Поднимаюсь по скрипучей лестнице, вчерашний "призрак" теперь важно шествует за мной, будто инспектируя свои владения.

Спальня завалена старыми вещами. Начинаю разбирать коробки, старые вещи, пожелтевшие фотографии. В углу высится дубовый комод с резными узорами. Подхожу ближе. Ящики заперты на маленькие замки.

– Интересно... – бормочу я, пробуя потянуть один из ящиков.

Кот прыгает на комод и начинает тереться о ручки, словно хочет помочь.

– Ты знаешь, где ключи? – спрашиваю я всерьез.

Он в ответ мурлычет и бьет хвостом по дереву.

– Хороший комод, старинный, – тихо говорю я коту, – жалко ломать. Интересно, что там в ящиках?

Кот внимательно смотрит на меня своими желтыми глазами и кратко мяукает.

– Ты что-то знаешь, да?

Котяра демонстративно прыгает на комод и ложится на нем с царским видом.

Перерываю все ящики в доме, заглядываю под кровати, проверяю карманы старых пальто – ничего.

Решаю отправиться в хозяйственный магазин, может, там подскажут, как быть. Главное, чтобы в этой дыре такой магазин был. И насчет интернета узнать надо.

Умываюсь, чищу зубы, волосы заплетаю в высокий хвост, натягиваю летний сарафан и кеды (больше никаких босоножек) беру сумку и, довольная собой, выхожу на улицу.

Деревня уже вовсю живет своей жизнью. Коровы пасутся, козы гуляют сами по себе. Детвора носится на великах, встречные люди глазеют на меня, некоторые здороваются.

У одного из них спрашиваю, как найти магазин и шагаю по пыльной дороге, на который то и дело встречаются коровьи лепешки.

Антуражненько…

Хозяйственным магазином оказывается деревянный дом с выцветшей вывеской «Товары для дома».

Внутри душно, с потолка свисают липкие ленты, усеянные дохлыми мухами, дует маленький вентилятор, из телевизора приглушенно звучит музыка.

За прилавком женщина лет сорока, симпатичная, с добрым взглядом.

– Здрасьте, – говорит она, – так это вы новенькая? В доме бабы Лиды живете, да?

Беспардонность тут, смотрю, в почете.

– Здравствуйте, – стараясь быть вежливой, отвечаю я, – да, это я.

– Меня Нина зовут, – она широко улыбается, и отчего-то сразу вызывает у меня симпатию.

– А я Алина. У меня проблема небольшая. Есть комод с замками, а ключей нет. Может, у вас в продаже есть ключи? Или инструмент какой-нибудь, чтобы открыть их?

Нина вздыхает и качает головой.

– Чего нет, того нет. А ты у соседей попроси! Петрович мужик рукастый, враз откроет замок.

– А внук его? – не выдерживаю я. Потянул же черт за язык. Но, в конце концов, где, как не в сельском магазине, еще можно посплетничать о соседях.

– Миша-то? – восклицает Нина и хитро улыбается, – что, глаз положила? Миша весь в деда, только он занятой. Он ж у нас тут эко-ферму развивает. Бизнесмен.

– Даже так? – преувеличенно-восторженно говорю я.

– Ага! – Нина склоняется ниже к прилавку и заговорщически шепчет, – он сам местный, Миша наш, детство тут провел. А потом в Москву уехал, важной шишкой там стал. Но чего-то там произошло у него, он сюда вернулся. В деревню нашу. Ферму строит.

– В Москву, значит, – протягиваю я, – а я-то думала, он Москву презирает.

– Иди ты! Как можно презирать место, где пятнадцать лет прожил? Я ж тебе говорю: не просто так он оттуда срулил, – она мигает глазами, – дело темное. Ой, Мишенька, доброе утречко! А я как раз о тебе Алине говорю. Что ты у нас местный бизнес поднимаешь.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Михаил стоит, чуть склонив голову. Уверена, он слышал каждое слово.

На нем белая футболка и легкие штаны. Черт, разве законно выглядеть так шикарно с утра? В селе?!

– Привет, Нина, – спокойно говорит он и холодно мне кивает, – продай-ка мне краску водостойкую.

Нина начинает суетиться у прилавка, рот при этом у нее не закрывается, она улыбается, говорит о жаре, о новой поставке товара, а в конце тирады выдает:

– Слушай, Миш, ты бы Алине помог. Замки она на шкафу открыть не может.

Он с хмурым видом поворачивается ко мне.

– На каком еще шкафу?

– На комоде, – со вздохом отвечаю я, – там замочки на выдвижных ящиках, а ключей у меня нет.

– Понял. Пошли.

Он расплачивается наличкой и выходит за дверь. Я непонимающе смотрю то на него, то на Нину.

– Иди-иди, – шепчет она с хитрой улыбкой, – потом расскажешь, как все прошло.

Она подмигивает, я же на прямых ногах разворачиваюсь и выхожу на улицу. Сосед стоит у крыльца и смотрит вдаль. У меня вибрирует телефон. Сообщение с незнакомого номера. Несколько секунд смотрю в экран, не решаясь открыть.

В итоге просто удаляю сообщение, не читая, и перевожу взгляд на Михаила.

– Коровами любуешься? – ехидно говорю я.

Он переводит на меня ленивый взгляд.

– Небом. – Отвечает он, – слышала про такое? Это такое большое голубое пространство над горизонтом. Хотя оно бывает не только голубым. Попробуй, вдруг понравится. Не только ж в экран пялиться. За его пределами тоже есть жизнь.

Хмыкаю. Волной накатывает раздражение.

– Думаешь, я пустоголовая, да? Которую не волнует ничего, кроме айфона и соцсетей?

– Заметь, это сказала ты, а не я.

– Да пошел ты!

Резко разворачиваюсь и быстро иду в сторону дома. На глаза набегают слезы, как всегда не вовремя. Обида жжет где-то в районе груди.

7

От злости мой шаг ускоряется, сама не замечаю, как оказываюсь у дома.

Хлопаю калиткой, вхожу внутрь. Кот встречает меня вопросительным мяуканьем.

– Сосед у меня кретин! – жалуюсь коту и падаю на стул, – ты ключи от комода, случайно, не нашел?

– Мрррау.

– Понятно. И в магазине ничего нет. Ладно, придумаем что-нибудь.

Снова вибрирует телефон. Смотрю на экран с легкой тревогой. С облегчением выдыхаю, видя, что это письмо на электронную почту пришло.

Заказчик. Спрашивает, когда будет готов перевод документации.

Когда я уволилась и перешла на фриланс, то искренне верила, что смогу зарабатывать.

Увы! Работы было неприлично мало.

Перевод для заказчика был почти готов, осталось-то пару страниц. Заплатит он немного, но на какое-то время хватит.

Сейчас, с машинным переводом, искать подработку становится все сложнее. Одна надежда на продажу дома. Вот уеду в Москву, и там точно никаких проблем не будет. Я и резюме уже подготовила.

Иду на кухню, где на столе лежит ноутбук. Включаю его, жду, когда загрузится. Интернета здесь нет, хорошо хоть в телефоне ловит. Пару дней с телефона буду раздавать на ноут, а потом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.